

К 70-летию С. А. Старостина: текущие перспективы развития и трансформирования научного наследия в области макрокомпаративистики

*Доклад на конференции «XVIII традиционные чтения памяти С. А. Старостина»,
23 марта 2023 г., ИКВИА ВШЭ.*

Уважаемые коллеги,

как вы, наверное, хорошо знаете, я в целом не очень тепло отношусь к чисто теоретическим докладам на наших традиционных конференциях — они, как правило, свидетельствуют о том, что у докладчика на самом деле нечем поделиться за истекший период — но все же в этом году, наверное, у меня есть как минимум пара поводов решиться на чисто теоретическое выступление. Во-первых, докладчику действительно нечем особенно поделиться, потому что год, с одной стороны, по известным причинам был для нас всех очень тяжелым (особенно психологически), с другой стороны, прошел в достаточно рутинной работе — например, над нашим коллективным проектом по ономасиологической реконструкции 400-словного списка базисной лексики для основных языковых семей Евразии, который, хочется надеяться, выйдет уже на принципиально новую стадию к следующему году, когда мы, наконец, финализируем и стандартизируем сам список.

Во-вторых, в этом году, как всем нам известно, 24 марта исполняется 70 лет Сергею Анатольевичу Старостину, а круглые даты всегда подталкивают к какому-то подведению итогов, осмыслению, теоретизированию и философствованию на тему того, где мы были, где находимся и куда направляемся — наверное, хотя бы раз в десять лет полезно бывает остановиться, оглянуться на пройденный путь и понять про себя, что за это время кардинально изменилось (если что-то, конечно, изменилось). Мы это на самом деле делаем реже, чем раз в десять лет, и поэтому плавный переход к новым рабочим моделям иногда оказывается в чем-то незаметным для нас самих, а заметным становится только, например, при перечитывании своих собственных статей 15-летней давности.

Само название нашей конференции напоминает, что Сергея Анатольевича с нами нет уже 18 лет, и, к сожалению, за эти истекшие 18 лет лишь очень небольшая часть того гигантского наследия, которое он нам оставил, подверглась настоящему, полноценному критическому анализу. При этом большая часть этого наследия вовсе не пылится где-то в архивах (хотя кое-что, конечно, продолжает пылиться), а лежит в абсолютно открытом для всех доступе — в виде сравнительных баз данных на сайте «Вавилонская башня». Собственно, для Сергея Анатольевича с самого начала цифровой эпохи, в конце 1980-х гг., основным типом «продукта» всегда была именно компьютерная база данных — не опубликованная монография или словарь, и уж тем более не статья (в рецензируемом журнале из списка ВАК или из Скопуса), а именно такой открытый для всех «живой» ресурс, постоянно пополняемый и модифицируемый по ходу дальнейших исследований.

Напомню, что Сергей Анатольевич — автор полноценного корпуса этимологических баз данных по севернокавказской семье (вместе с С. Л. Николаевым), сино-тибетской семье (вместе с И. И. Пейросом, но при этом единолично ответственный за крупнейшую базу данных по древнекитайской реконструкции и синитической этимологии), енисейской

семье и алтайской макросемье (вместе с А. В. Дыбо и О. А. Мудраком, но единолично ответственный за корейский и японский компоненты). Помимо этого, для сайта «Вавилонская башня» Сергей Анатольевич в свое время единолично скомпилировал базы данных по картвельской и уральской этимологии; его же авторству принадлежат и все (кроме афразийской) этимологические базы данных «сверхглубокого» уровня, лежащие на сайте — сино-кавказская этимология (полностью оригинальный компендиум), ностратическая этимология (база составлена на основании словарей Иллич-Свитыча, Долгопольского и др., но с большим количеством оригинальных этимологий и комментариев), австрийская этимология (тоже достаточно оригинальная), и, конечно, самая амбициозная из всех баз данных — «Глобальные этимологии», в рамках которой были сведены вместе все бросившиеся в глаза автору потенциально значимые фонетико-семантические сходства между корнями, реконструированными на сверхглубоких хронологических уровнях.

Вся эта гигантская работа (к которой еще надо присовокупить лексикостатистические базы данных с их последующей глоттохронологической обработкой) была проделана Сергеем Анатольевичем менее чем за 20 лет работы (если вести отсчет не с самого начала его научного пути, а с начала его «цифрового» этапа), причем этап особого ускорения начался с 1998 г., когда был запущен сайт «Вавилонская башня», и то, что сайт, хотя он за последнее десятилетие практически не обновлялся, до сих пор востребован в научном сообществе как полезный ресурс (хотя и с некоторыми оговорками), целиком и полностью связано с изначальным стремлением Сергея Анатольевича видеть его как единый, цельный ресурс, все компоненты которого так или иначе взаимосвязаны, а не просто как репозиторий этимологических данных. Ни для кого не секрет, что одним из главных мечтаний Сергея Анатольевича было еще при жизни максимально приблизиться если и не к реконструкции «праязыка человечества» как такового, то, по крайней мере, к созданию сравнительного словаря для общего лингвистического предка всех тех макросемей, которые попадали в его поле зрения — ностратической, сино-кавказской, афразийской, австрийской, а если получится, то и распространенных в Африке и в Америке.

Разумеется, Сергей Анатольевич хорошо понимал, что для полноценного, детального решения этой задачи одной, даже очень долгой, исследовательской жизни недостаточно, и где-то на рубеже 1990-х и 2000-х гг. вполне осознанно перешел к тому, что можно было бы назвать «ускоренной» научной стратегией: начиная с работы над этимологическим словарем алтайской макросемьи, многие из его баз данных готовились без всесторонней проработки материала, что, как показывают результаты текущей работы с этими базами, нередко приводило к излишним ошибкам как в подаче, так и в анализе лингвистических данных. Отдавая себе в этом отчет, Сергей Анатольевич еще при жизни в целом логично рассуждал, что при ручной обработке столь большого материала ошибки в любом случае неизбежны, и что такие масштабные проекты, как создание алтайского или ностратического словаря, в любом случае будут подвергаться ожесточенной критике, сколь бы тщательно ни был проработан их материал. Создаваемые им базы и словари он лично воспринимал как «ранние версии», что-то вроде сравнительных индоевропейских словарей 19-го века, которые несомненно будут улучшаться со временем по мере расширения сравнительного материала, открытия и уточнения фонетических законов и т.п., но вряд ли повлияют на фундаментальные классификационные схемы, в них заложенные.

Примерно в таком же ключе (хотя, разумеется, с поправками на те или иные особенности индивидуальных научных стилей) работали при жизни Сергея Анатольевича и многие из его коллег и учеников, относившие и продолжающие относить себя к тому, что сегодня принято называть «Московской школой компаративистики» — основной отличительной чертой которой, по сравнению с мейнстримом западной компаративистики, можно считать уверенность в том, что изучение языковых макросемей на внушительных хронологических глубинах не имеет принципиальных теоретических отличий от изучения «обычных», общепризнанных языковых семей, и, следовательно, например, точно так же как базовой точкой отсчета в индоевропеистике можно считать что-то вроде массивного словаря Ю. Покорного (или любой другой словарь аналогичного объема, который рано или поздно придет ему на смену), аналогичной базовой точкой отсчета в алтаистике должен стать массивный Этимологический словарь алтайских языков, а в ностратике — что-то вроде гигантского корпуса А. Б. Долгопольского, даже несмотря на все претензии, предъявляемые к нему со стороны отдельных специалистов (тем более что немалые претензии предъявляются и к словарю Покорного).

Масштабность и грандиозность таких проектов, как алтайский, ностратический или сино-кавказский неизбежно приводили к тому, что их становилось очень трудно подвергать грамотному, корректному критическому анализу. Очевидно, что из любого большого этимологического словаря всегда можно извлечь определенный процент слабых этимологий, а чтобы всесторонне, полноценно и непредвзято оценить все этимологии в любой из баз данных, созданных Сергеем Анатольевичем и его коллегами, необходимо создать аналогичную базу данных, только примерно в 3-4 раза превосходящую исходную по объему. Но даже в этом случае нет гарантии, что сам «оценщик» будет способен разобраться в том, представляют ли выявленные им ошибки и огрехи просто результат спешки или намеренно допущенной «аппроксимативности», или же они на самом деле выявляют какие-то систематические нарушения научной методологии.

Возможно, в каком-то роде именно эта проблема — трудность, если не невозможность последовательно и полноценно убедить самого себя в истинности гипотез типа ностратической или сино-кавказской — связана с тем, что даже в рамках Московской школы компаративистики или исследователей, хорошо знакомых с этой школой, были случаи сознательного отхода от занятий макрокомпаративистикой (например, Е. А. Хелимский), не говоря уже о случаях, когда специалисты вступали на путь открытой войны с гипотезами типа алтайской (как это случилось с недавно покинувшим нас А. Вовиным). В этой связи особенно интересна, например, эволюция взглядов одного из наших коллег, американского лингвиста Алексиса Манастера Рамера, который еще в 1990-е гг. отличался тем, что, в отличие от обычных критиков ностратической гипотезы, широко и глубоко знакомился с работами Московской школы и пытался анализировать их без какой-либо предвзятости. В одной из своих новейших публикаций, напечатанной в недавнем фestsрифте памяти Е. А. Хелимского, он, например, пишет, что пришел к выводу о невозможности доказательства глубокого языкового родства на основании корпуса родственных языковых лексем (из-за общей исторической неустойчивости любой лексики, включая базисную), и предлагает вместо этого концепцию поиска глубоких языковых связей на основании результатов внутренней реконструкции по отдельным праязыкам (когда, фактически, от сравнения *целых* слов мы переходим к сравнению *кусочков* слов, т.е. окаменевших корневых

элементов в сращении с другими корнями или аффиксами). Фактически это означает, что Манастер Рамер, не отказываясь от самой идеи поиска глубокого родства, перечеркивает всю работу над крупными этимологическими корпусами типа алтайского, ностратического или сино-кавказского как априори обреченную на неудачу.

Несмотря на то, что в этом принципе безусловно содержится элемент здравого смысла (действительно, любой индоевропеист, например, хорошо знает, как часто тот или иной индоевропейский корень сохраняется в той или иной ветви только как десемантизированная часть сложного морфологического образования), его, тем не менее, вряд ли имеет смысл выводить на уровень догматического обобщения — хотя бы потому, что мы на самом деле не имеем твердого представления о степени устойчивости базисной лексики при условии допущения семантических сдвигов, не говоря уже о чем-то вроде предельно допустимого срока жизни лексемы в тех или иных языковых условиях. *Можно*, тем не менее, согласиться с тем, что в работах Московской школы компаративистики принцип внутренней реконструкции традиционно недоучитывается; сам Сергей Анатольевич, например, как правило, относился к ней с ярко выраженным недоверием, обычно считая внутреннюю реконструкцию едва ли не главным врагом внешнего сравнения — каковым она, несомненно, является в руках исследователей, категорически *отвергающих* внешнее сравнение и всегда предпочитающих, по яркому выражению Р. Э. Миллера, «incestuous attempts to derive one language from itself». Но действительно ли верен обратный принцип, т.е. что мы должны *всегда* предпочитать внешнюю этимологию внутренней, сколь бы сложной и натянутой ни казалась первая по сравнению со второй?

На самом деле опыт критического анализа многих из опубликованных алтайских, ностратических, сино-кавказских и пр. этимологий показывает, что последовательное применение этого принципа приводит к стратегии, которую, вслед за случайно удачной формулировкой Дж. Николс в работе 2003 г., можно обозначить как «максимизацию когнатов» (Николс: «Diakonoff and Starostin 1986... assemble putative cognate sets so as to maximize similarities between the families»). В рамках такой стратегии допускается, например, что слово, представленное в одном диалекте одного языка целой семьи (скажем, арчинского или эвенкийского), можно без угрызений совести считать реликтом сверхдревнего корня, если к нему находятся фонетически и семантически безупречные (или хотя бы «совместимые») параллели в лексическом корпусе родственных семей. Или же, например, что два фонетических варианта якобы одного и того же корня, находящиеся в дополнительном распределении по разным языкам или диалектам семьи, допустимо и даже желательно возводить к двум этимологически разным праязыковым корням, если для каждого из них находятся разные внешние параллели в родственных семьях.

Вряд ли будет преувеличением сказать, что Сергей Анатольевич, действительно, достаточно последовательно придерживался именно такой стратегии, в чем он, пожалуй, идеологически совпадал с таким своим выдающимся «старшим коллегой», как А. Б. Долгопольский (и в несколько меньшей степени — с В. М. Иллич-Свитьчем); примерно в таком же ключе обычно выдержаны исследования О. А. Мудрака и (в рамках афразийского материала) А. Ю. Милитарева. Ее несомненно сильными сторонами являются исследовательская объективность и привлечение научного внимания к сложным и, как правило, неразрешенным вопросам («откуда в этом диалекте появилось такое слово?», «с чем связана фонетическая нерегулярность в развитии по языкам рефлексов этого корня?»)

и т.п.), но нельзя не признать и тот очевидный факт, что именно эта стратегия во многом вызывает недоверие к результатам работы Московской школы компаративистики со стороны более «осторожных» западных коллег, которые — иногда, надо признать, вполне справедливо — критикуют ее за то, что, на их взгляд, представляет собой небрежное отношение к языковому материалу с точки зрения филологии и истории.

Своего рода гипертрофированной реакцией на такой принцип работы является обратная стратегия, которую можно условно обозначить как «минимизация когнатов»; ее базовый принцип сжато формулируется как «для любой гипотезы дальнего родства та или иная этимология может быть принята только при условии доказательства того, что сходство между сравниваемыми элементами не может быть вызвано другими факторами» (заимствование, звукоимитация, случайность и т.п.). В рамках этой стратегии сама идея объяснения такого сходства через глубокое языковое родство воспринимается как нечто экстраординарное (т.е., скажем, уровень априорного доверия к исторической реальности алтайской семьи оказывается примерно таким же, как уровень априорного доверия к исторической реальности сионских мудрецов), требующее, соответственно, столь же «экстраординарно» тщательного уровня научного доказательства.

Стратегия «минимизации когнатов» бывает представлена разными вариантами — например, «мягким», хороший пример которого можно найти в монографии М. Роббетс (2005), где 2055 этимологизаций японского материала, входящих в состав *Этимологического словаря алтайских языков*, подвергаются последовательной «чистке» до тех пор, пока их не удастся свести к 359 этимологиям, которые, согласно выводам Роббетс, можно считать идеальным доказательством алтайского происхождения японского языка. (Отметим при этом, что «вычищенные» 1696 этимологий не подразделяются М. Роббетс на «маловероятные» и «невозможные», как если бы этот вопрос вообще был нерелевантен для сравнительной алтаистики). Такому варианту, в свою очередь, противопоставлен более распространенный среди западных исследователей «жесткий» вариант, когда критик ставит перед собой задачу последовательного уничтожения *всего* корпуса предлагаемых этимологий, с применением всего арсенала находящихся в его распоряжении средств. Классическим примером такого варианта является, например, критика уральского компонента ностратической гипотезы В. М. Иллич-Свитыча Л. Кэмпбеллом; наиболее яркий представитель «жесткого» подхода — недавно, к сожалению, скончавшийся А. Вовин, который подверг уничтожительной (по крайней мере, с его точки зрения) критике не только сам вышеупомянутый *Этимологический словарь алтайских языков*, но и те его этимологии, которые вошли в число выявленных М. Роббетс «идеальных», едва ли не к каждой из которых, согласно методике Вовина, оказалось возможным предъявить дополнительные, полностью дискредитирующие их претензии.

Представляется более или менее очевидным, что найти общий язык и сколь-либо четкую основу для взаимопонимания между сторонниками столь противоположных стратегий принципиально невозможно — по той простой причине, что каждая из сторон в ходе этого виртуального диспута занята поисками максимально выгодного для себя ответа на вопрос «как могло обстоять дело?» (или «как не могло»). Поскольку всегда существует минимальная (отличная от нулевой) вероятность истинности любого из противоположных сценариев (например, формально нельзя исключить, что *все* этимологии алтайского или ностратического словаря исторически верны — равно как и обратный сценарий),

получается, что обе стратегии на самом деле взаимно обесценивают друг друга. Таким образом, важнейшей задачей макрокомпаративистики (а в определенном смысле — и вообще сравнительно-исторического языкознания как такового) на сегодняшний день оказывается выработка компромиссной стратегии, во главу которой ставится в первую очередь *вероятностная* оценка (не обязательно формально математическая, хотя некоторый уровень формализма, безусловно, должен приветствоваться) конкурирующих друг с другом этимологических гипотез. В рамках такой стратегии, по сравнению с более радикальными, диалог между исследователями, придерживающимися разных позиций, становится возможным и даже неизбежным.

Поясню вышесказанное на конкретном примере. В поисках внешних параллелей для потенциально родственного общетюркского этимона **Kayir* ‘солончак’ и общемонгольского **kužir* с тем же значением авторами алтайского словаря к сравнению привлекается глагол *kužiу-* ‘заваливать землей’, из всех языков тунгусо-маньчжурской семьи представленный только в нижне-амгунском говоре негидальского языка. В рамках стратегии «максимизации когнатов» имплицитно предполагается, что, поскольку это слово (а) фонетически соответствует тюркскому и монгольскому когнатам, (б) обнаруживает сходную семантику (например, допустима цепочка переходов ‘песок’ → ‘солончак’, ‘песок’ → ‘земля’ → ‘заваливать землей’), (в) не имеет очевидных источников заимствования, оно вполне может представлять собой реликт алтайского лексического наследия в данном конкретном диалекте негидальского. В рамках обратной стратегии «минимизации когнатов» будет столь же имплицитно предполагаться, что, поскольку слово формально не реконструируется на пратунгусском уровне, а также обнаруживает значительные семантические расхождения с тюркским и монгольским материалом, считать его убедительным элементом алтайской этимологии абсолютно невозможно. Примирить эти две позиции нельзя, поскольку каждая из них имеет собственную нерушимую логику.

Найти выход из этого положения можно только при условии отказа от обоих типов «бескомпромиссных» стратегий, взамен которых должна быть предложена, к сожалению, требующая намного большей затраты усилий стратегия поиска «золотой середины». В данном случае это означает, например, применительно к данному негидальскому слову поиск ответов на следующие вопросы: (а) «Действительно ли в нижне-амгунском говоре негидальского есть слово *kužiу-*, и корректно ли его семантика передана в источнике?»; если *да*, то (б) «Есть ли в других языках эвенической ветви тунгусо-маньчжурской семьи, а также в языках других ветвей альтернативные глагольные основы с базовой семантикой ‘заваливать что-л. землей’?»; если *да*, то (в) «Можно ли восстановить для пратунгусо-маньчжурского или хотя бы для общеэвенического состояния альтернативный глагол со значением ‘заваливать землей’?». Если *нет*, это предоставляет хотя бы *формальную* возможность допущения того, что негидальская форма действительно восходит к пратунгусо-маньчжурской основе **kužur-* ‘заваливать землей’, но на этом наши труды не заканчиваются, т.к. следующий вопрос — создание реалистичного и непротиворечивого в рамках общеалтайского корпуса сценария того, как исторически соотносятся друг с другом именная основа ‘солончак’ в тюркском и монгольском и глагольная основа ‘заваливать землей’ в негидальском (сиречь тунгусо-маньчжурском). Этот сценарий должен учитывать такие факторы, как общую типологию семантических переходов и конкретное распределение

слов с задействованными в данной ситуации значениями ('солончак', 'песок', 'земля' и т.п.) по отдельным языковым ветвям алтайской макросемьи.

Даже если конкретно для негидальского *kuʒu-* такое «расследование», скорее всего, кончится плохо (поскольку в алтайском корпусе обнаруживаются заведомо более сильные претенденты на такие значения, как 'земля', 'песок' и т.п.), это не значит, что сценарии, указывающие на высокую вероятность сохранения того или иного пратунгусского и даже праалтайского значения слова, сохраняющегося в одном языке, в принципе невозможны. Проблема в том, что, как правило, они не просчитывались — ни в ходе работы над алтайским словарем, ни в ходе критики его со стороны приверженцев как «жесткой», так и «мягкой» стратегии «минимизации когнатов».

Предлагаемая аналитическая стратегия, которая уже несколько лет успешно апробируется совместной рабочей группой Центра компаративистики ИКВИА ВШЭ и Лаборатории компаративистики ШАГИ РАНХиГС в рамках реконструкции 400-словного списка базисной лексики для основных языковых семей Евразии, довольно существенно отличается, например, от довольно субъективного метода «оценки» относительной надежности лексических этимологий, предложенного несколько лет тому назад А. Ю. Милитаревым и апробированного им в ряде докладов и публикаций. Пожалуй, главное из этих отличий — то, что, на наш взгляд, ни одну этимологию нельзя оценивать в изоляции от других элементов ее семантического поля, за исключением разве что каких-то суперустойчивых лексических единиц типа индоевропейской 'двойки', стабильно сохраняющихся и не меняющих своей семантики практически нигде (впрочем, в рамках глубинного сравнения уровня алтайского и тем более ностратического таких элементов и не бывает). На уровень по-настоящему убедительных и доказательных теорий гипотезы типа ностратической и сино-кавказской выйдут только тогда, когда удастся показать, что реконструируемые в их рамках элементы складываются в реалистичную и непротиворечивую систему — систему, внутри которой неизбежно могут и будут оказываться значительные лакуны, но которая от этого не перестает быть системой.

В теории такого рода стратегия поиска «оптимального сценария» может и должна быть применима ко всему этимологическому материалу, но на практике понятно, что по крайней мере на первых этапах она должна быть ограничена определенным подмножеством этого материала, максимально удобного для обработки. Отсюда понятный интерес современной работы Московской школы компаративистики над базисной лексикой — 100-, 200- и 400-словными списками, лексико-этимологическая история которых по конкретным семьям прорабатывается с особой тщательностью (хотя бы, например, в рамках вышеупомянутого проекта по языковым семьям Евразии). Применительно к алтайской гипотезе, например, отбор оптимальных реконструкций тех или иных значений для пратюркского, прамонгольского, пратунгусского и т.д. уже привел к довольно решительному отказу от некоторых этимологий в алтайском словаре и, наоборот, к появлению новых, на наш взгляд, более перспективных этимологических сближений; то же самое можно сказать и об индо-уральском сравнении.

Наконец, важно отметить, что метод поиска «оптимальных сценариев», последовательно учитывающий не только фонетику и семантику, но и топологическую дистрибуцию, внутреннюю морфологическую структуру и возможные ареальные связи потенциальных когнатов, применим не только на уровне глубокого языкового сравнения, но и на уровне

«обычных», относительно неглубоких и непротиворечивых языковых семей — более того, *должен* применяться начиная именно с этих уровней. Например, работа над реконструкцией 400-словного списка даже для столь, казалось бы, качественно изученной семьи, как индоевропейская, выявляет целый огромный ворох не только нерешенных, но зачастую даже и не *поставленных* проблем, связанных с семантикой, дистрибуцией и парадигматическими связями тех или иных индоевропейских лексем, а в каких-то случаях даже позволяет предложить целые новые научные направления в индоевропеистике (скажем, такой процесс, как вероятная типологическая перестройка позднеиндоевропейской глагольной системы от в большей степени ориентированной на корневую семантику к переносу большей части глагольной семантики на превербные компоненты).

В конечном итоге все вышесказанное означает, что для преодоления состояния «перманентного кризиса» в макрокомпаративистике на текущем этапе одной из основных задач должно стать последовательное объяснение и пропагандирование нового подхода к решению ее задач — перехода от принципа доминирования «большого этимологического словаря», который для гипотез типа ностратической (или даже афразийской) фактически превратился в тупиковый путь развития, к принципу «построения оптимальных исторических сценариев», в рамках которых, как, по крайней мере, хотелось бы надеяться, можно было бы добиться большего взаимопонимания между специалистами, относящимися к макрокомпаративистике как с симпатией, так и со скепсисом.

В завершение, возвращаясь к тому, с чего начинался доклад — лингвистического наследия Сергея Анатольевича Старостина — необходимо подчеркнуть, что, скорее всего, с идеей отхода от порождения тысяч праформ для праалтайского, праностратического, прасино-кавказского и т.п. он вряд ли бы согласился, а вот идеи более формального и (в некоторых аспектах) вероятностно-ориентированного подхода к семантике и топологии анализируемых когнатов ему, скорее всего, пришлось бы по душе; вообще кажется, что он в свое время сам не развивал их детально лишь потому, что это отнимало бы слишком много времени от создания тех самых гигантских этимологических баз, которые нам теперь приходится верифицировать уже на гораздо более сложной основе. В этом смысле общие принципы работы Сергея Анатольевича и макрокомпаративистической школы «старого образца», ориентированные на поиск регулярных фонетических соответствий между реконструированными праязыками, остаются неизменными; однако к ним теперь добавляются новые, которые, скорее всего, приведут к очень значительному пересмотру большей части этимологического «контента» «Вавилонской башни» — однако пересмотр этот так или иначе неизбежен, и лучше всего, чтобы им занимались сами представители Московской школы компаративистики с ее уже накопленным гигантским опытом.